

В. Драгунский
В. Осеева
Е. Ильина
А. Гайдар
А. Алексин

Новогодние истории советского детства

Анатолий Алексин

Новогодние истории советского детства

«Издательство АСТ»
1939-1966

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Алексин А. Г.

Новогодние истории советского детства / А. Г. Алексин — «Издательство АСТ», 1939-1966

ISBN 978-5-17-191681-7

Новый год для советских девчонок и мальчишек, что это? А это самодельные костюмы, школьные представления в украшенных актовых залах. Ёлка с мандаринами, конфетами и звездой на макушке – в столице или в самой маленькой деревне. Подарки, о которых кто-то мечтал целый год, а кого-то они поссорили. Домашние утренники с Дедом Морозом в папиных тапочках и Снегурочкой с маминой сумкой. Новогодние каникулы: санки, лыжи, снежки и снеговики. Это время, когда непременно собиралась семья, когда праздник длился несколько дней, рассыпал конфетти и серпантин и зажигал звёздочки бенгальских огней.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-191681-7

© Алексин А. Г., 1939-1966
© Издательство АСТ, 1939-1966

Содержание

Виктор Драгунский 6
Валентина Осеева 9
Елена Ильина 14
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Новогодние истории советского детства

© В. А. Осеева, наследники, текст, 2026
© В. Ю. Драгунский, наследники, текст, 2026
© Е. И. Ильина, наследники, текст, 2026
© А. Г. Алексин, наследники, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Виктор Драгунский
Кот в сапогах

– Мальчики и девочки! – сказала Раиса Ивановна. – Вы хорошо закончили эту четверть. Поздравляю вас. Теперь можно и отдохнуть. На каникулах мы устроим утренник и карнавал. Каждый из вас может нарядиться в кого угодно, а за лучший костюм будет выдана премия, так что готовьтесь. – И Раиса Ивановна собрала тетрадки, попрощалась с нами и ушла.

И когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Я на карнавале буду гномом. Мне вчера купили накидку от дождя и капюшон. Я только лицо чем-нибудь занавешу, и гном готов. А ты кем нарядишься?

– Там видно будет.

И я забыл про это дело. Потому что дома мама мне сказала, что она уезжает в санаторий на десять дней и чтоб я тут вёл себя хорошо и следил за папой. И она на другой день уехала, а я с папой совсем замучился. То одно, то другое, и на улице шёл снег, и всё время я думал, когда же мама вернётся. Я зачёркивал клеточки на своём календаре.

И вдруг неожиданно прибегает Мишка и прямо с порога кричит:

– Идёшь ты или нет?

Я спрашиваю:

– Куда?

Мишка кричит:

– Как – куда? В школу! Сегодня же утренник, и все будут в костюмах! Ты что, не видишь, что я уже гномик?

И правда, он был в накидке с капюшончиком.

Я сказал:

– У меня нет костюма! У нас мама уехала.

А Мишка говорит:

– Давай сами чего-нибудь придумаем! Ну-ка, что у вас дома есть почудней? Ты надень на себя, вот и будет костюм для карнавала.

Я говорю:

– Ничего у нас нет. Вот только папины бахилы для рыбалки.

Бахилы – это такие высокие резиновые сапоги. Если дождик или грязь – первое дело бахилы. Нипочём ноги не промочишь.

Мишка говорит:

– А ну надевай, посмотрим, что получится!

Я прямо с ботинками влез в папины сапоги. Оказалось, что бахилы доходят мне чуть не до подмышек. Я попробовал в них походить. Ничего, довольно неудобно. Зато здорово блестят. Мишке очень понравилось. Он говорит:

– А шапку какую?

Я говорю:

– Может быть, мамину соломенную, что от солнца?

Мишка говорит:

– Давай её скорей!

Достал я шапку, надел. Оказалось, немножко великовата, съезжает до носа, но всё-таки на ней цветы.

Мишка посмотрел и говорит:

– Хороший костюм. Только я не понимаю, что он значит?

Я говорю:

– Может быть, он значит «мухомор»?

Мишка засмеялся:

– Что ты, у мухомора шляпка вся красная! Скорей всего, твой костюм обозначает «старый рыбак»!

Я замахал на Мишку:

– Сказал тоже! «Старый рыбак»… А борода где?

Тут Мишка задумался, а я вышел в коридор, а там стояла наша соседка Вера Сергеевна. Она, когда меня увидела, всплеснула руками и говорит:

– Ох! Настоящий кот в сапогах!

Я сразу догадался, что значит мой костюм! Я – «Кот в сапогах»! Только жалко, хвоста нет! И спрашиваю:

– Вера Сергеевна, у вас есть хвост?

А Вера Сергеевна говорит:

– Разве я очень похожа на чёрта?

– Нет, не очень, – говорю я. – Но не в этом дело. Вот вы сказали, что этот костюм значит «Кот в сапогах», а какой же кот может быть без хвоста? Нужен какой-нибудь хвост! Вера Сергеевна, помогите, а?

Тогда Вера Сергеевна сказала:

– Одну минуточку…

И вынесла мне довольно драненький рыжий хвостик с чёрными пятнами.

– Вот, – говорит, – это хвост от старой горжетки. Я в последнее время прочищаю им керогаз, но, думаю, тебе он вполне подойдёт.

Я сказал «большое спасибо» и понёс хвост Мишке.

Мишка, как увидел его, говорит:

– Давай быстренько иголку с ниткой, я тебе пришью. Это чудный хвостик.

И Мишка стал пришивать мне сзади хвост. Он шил довольно ловко, но потом вдруг ка-ак уколет меня!

Я закричал:

– Потише ты, храбрый портняжка! Ты что, не чувствуешь, что шьёшь прямо по живому? Ведь колешь же!

– Это я немножко не рассчитал, – да опять как кольнёт!

– Мишка, рассчитывай получше, а то я тебя тресну!

А он:

– Я в первый раз в жизни шью!

И опять – коль!..

Я прямо заорал:

– Ты что, не понимаешь, что я после тебя буду полный инвалид и не смогу сидеть?

Но тут Мишка сказал:

– Ура! Готово! Ну и хвостик! Не у каждой кошки есть такой!

Тогда я взял тушь и кисточкой нарисовал себе усы, по три уса с каждой стороны – длинные-длинные, до ушей!

И мы пошли в школу.

Там народу было видимо-невидимо, и все в костюмах.

Одних гномов было человек пятьдесят. И ещё было очень много белых «снежинок». Это такой костюм, когда вокруг много белой марли, а в середине торчит какая-нибудь девочка.

И мы все очень веселились и танцевали.

И я тоже танцевал, но всё время спотыкался и чуть не падал из-за больших сапог, и шляпа тоже, как назло, постоянно съезжала почти до подбородка.

А потом наша вожатая Люся вышла на сцену и сказала звонким голосом:

– Просим «Кота в сапогах» выйти сюда для получения первой премии за лучший костюм!

И я пошёл на сцену, и когда входил на последнюю ступеньку, то споткнулся и чуть не упал. Все громко засмеялись, а Люся пожала мне руку и дала две книжки: «Дядю Стёпу» и «Сказки-загадки». Тут Борис Сергеевич заиграл туш, а я пошёл со сцены. И когда сходил, то опять споткнулся и чуть не упал, и опять все засмеялись.

А когда мы шли домой, Мишка сказал:

– Конечно, гномов много, а ты один!

– Да, – сказал я, – но все гномы были так себе, а ты был очень смешной, и тебе тоже надо книжку. Возьми у меня одну.

Мишка сказал:

– Не надо, что ты!

Я спросил:

– Ты какую хочешь?

– «Дядю Стёпу».

И я дал ему «Дядю Стёпу».

А дома я скинул свои огромные бахилы, и побежал к календарю, и зачеркнул сегодняшнюю клеточку.

А потом зачеркнул уж и завтрашнюю.

Посмотрел – а до маминого приезда осталось всего три дня!

Валентина Осеева
Новогодний праздник

(Из книги «Васёк Трубачёв и его товарищи»)

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: 1941 ГОД.

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытаясь заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

– Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

– Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки. Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

– Ой, Марья Николаевна! Этот шар как фонарик!

– А вот с серебром! Девочки, с серебром!

– Давайте, давайте скорее! – торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. – Гости ждут.

– А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку.

Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколота бумажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

– Мало, эх, мало!

– Малютин уже пошел. Картину принесет, – успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

– Эх, а табличку-то не прибили! – Лёня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

– Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

– Зорина, ты чего?

– Как чего? – Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами. – Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачёв? – Она поднялась на цыпочки. – Васёк! Трубачёв!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его мигом окружили.

– Ну как, Трубачёв?

– У них тоже здорово! Я все посмотрел!

– Лучше, чем у нас?

Трубачёв тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

– Нет, не лучше, – сказал он, широко улыбаясь. – Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет да Мазин и Русаков какие-то штучки – тогда и вовсе живем! – Трубачёв притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина: – Живем!

Девочки запрыгали:

– У нас лучше! У нас лучше!

– Мазин и Русаков идут! – запыхавшись, сообщил Медведев. – Я их на лестнице видел!

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижный Петя Русаков.

– Вот они! Закадычные друзья! – объявил Белкин.

– Мало вещей? – коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач.

Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: Р.М.З.С.

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук.

Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

– Ух ты! Здорово! Вот здорово! – одобрительно зашумели вокруг.

Трубачёв, забыв про выставку, разглядывал пугач.

– Р.М.З.С., – громко прочитал он. – Мазин, что за буквы?

– Трубачёв, покажи! Дай подержать, Трубачёв! – кричали ребята.

– Подождите!

Трубачёв нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

– Р.М.З.С., – что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

– Это буквы!

– Это фабрика! – догадался кто-то.

– Какая фабрика! Это они сами делали!.. Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачёва пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

– Много будете знать – скоро состаритесь.

– Ого! Тайна! – фыркнул Лёня Белкин, поднимая белёсые брови и поглаживая свой колючий затылок. – Ребята, тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

– Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгрёб в кучу все вещи.

– Берёте или не берёте на выставку?

– Степанова, – крикнул Трубачёв, – возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

– Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

– Вот, принёс! – задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки. На картине Севы Малютина высились горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги. На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

– Война! – шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачёвым.

– Ты настоящий художник, Сева! – растроганно сказал Трубачёв.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

– Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Тёмно-зелёная ёлка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям: «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы… от лица всей школы…»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

– Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками…

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подсела к малышу и взяла у него из рук бумажку:

– Давай вместе!

– Трубачёв! Булгаков! У вас все готово? – крикнул издали Митя.

– Всё готово! – ответил Трубачёв, устанавливая картину.

– Ну, так расходитесь. Сейчас начинать будем.

Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной, нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стёкла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки ёлки, и весёлые лица родителей.

– Милости просим! Милости просим! – говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васёк увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону.

Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу весёлое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

– Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

– Сюда, сюда, папа!

Васёк потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх. Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

– На, запасной.

Васёк громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

– Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас! Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе. В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущённо улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боёв с белофиннами приветствовали учителя и директор. Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

– Алёша… Бориска… Толя… – припоминала она своих бывших воспитанников.

– Переросли! На целую голову переросли своего директора! – шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик – школьный сторож. Чёрные с проседью волосы его были расчёсаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

– Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

– Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! – Старик вытер усы. – Ну-ну, выросли… вылетели птенцы… орлами воротились, – бормотал он, присаживаясь к столу, покрытому красным сукном, и улыбаясь учителям.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. На конец всё стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор. Перед глазами у всех вставал суровый финский край. Высокие сосны, скованные морозом озёра… Вот мчатся лыжники… наши лыжники… Тишина… Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемёт. Пули вспарывают легкое снежное покрывало. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползёт снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засели финские пулемётчики.

Меткий выстрел… другой… И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемёт… Лыжники летят дальше.

– Этот снайпер… – Директор поворачивает голову.

– Который? Который? – Налегая друг на друга и вытягивая шеи, ребята смотрят на сцену. Краска заливает обветренные щёки снайпера – он низко склоняется над столом и взволнованно чертит что-то на бумажке.

Директор называет его фамилию.

Потом следует другая фамилия и третья… Второй, обмороженный, полз к лагерю, вынося с поля боя раненого командира. Третий взорвал финский дзот – это едва не стоило ему жизни. И вот все они, эти герои, здесь, в своей большой школьной семье, воспитавшей и вырастившей их.

Сева Малютин стоит около своей матери. Он крепко сжимает ее руку. Васёк и Саша с горящими щеками жмутся к рампе. А за их спиной ученик старшего класса возбужденно рассказывает товарищу:

– Они здесь, во дворе, всегда в футбол играли… И один раз окно в классе разбили… И Грозный кричал на них, как на нас. Я помню. – Он радостно смеется. – Я помню их… в десятом классе.

Елена Ильина
Ёлка

(Из повести «Моя школа»)

– Есть у вас тут Яхонтова Ляля? – спросил Дед Мороз.

– Есть, – ответил чей-то тоненький голосок из глубины зала.

– Ученица первого класса?

– Первого, Семен Игнатьевич!

Дед Мороз засмеялся, погладил свою ватную бороду и погрозил пальцем:

– Так вы говорите, что у вас есть Яхонтова Ляля? Отличница? Ну, значит, это ей.

Девочка в белом переднике с крылышками вспорхнула с места, пересекла большую комнату, освещённую только цветными огоньками ёлки, и остановилась перед роялем, в котором,

как в тёмной воде, отражались серебристые шары и красные, зелёные, синие лампочки. Дед Мороз нагнулся и подал ей прямо в руки большую куклу в коробке. Девочка сразу же подняла крышку, сказала: «Ой, какая чудненькая!» – и побежала на место.

Малыши один за другим получали подарки. Дед Мороз, должно быть, хорошо знал, кому из ребят что подходит. А скорее всего, это знала Валентина Егоровна. Вот она сидит у стены рядом с Анной Сергеевной, что-то шепчет ей и показывает кивком головы то на одного из ребят, то на другого.

Наконец очередь дошла до ребят постарше.

– Ученику четвертого класса Юре Белову! – снова объявил Дед Мороз и протянул Юре какую-то плоскую коробку.

– Можешь и сам письма писать и другим разносить, – сказал он.

Юра взял коробку обеими руками, поправил очки и пошёл на своё место, как раз позади Кати. Там он сразу же принялся показывать подарок своему товарищу.

– Ого! – удивился тот. – Печать настоящая, чтобы штемпелевать. Конверты, открытки! Даже телеграммы, то есть бланки для телеграмм.

– И квитанции тоже есть, – сказал шепотом Юра. – Вот это здорово!

Катя оглянулась. Да, это и в самом деле был замечательный подарок!

Юра осторожно взял печать, подышал на нее и приложил сначала к подушечке с краской, а потом к листку маленького блокнота.

– Смотри, смотри! – сказал он товарищу.

На листке бумаги четко оттиснулся синий кружок со звёздочкой посередине, а на ободке ясно отпечатались слова: «Пионерская почта».

Тем временем Дед Мороз продолжал вызывать ребят, а подарки вручала им Снегурочка – Люда Князева. Она была в белом полушубке и в белой шапочке.

– Ученику пятого класса! – провозгласил Дед Мороз, передавая Люде что-то похожее на толстую книжечку или на коробочку. – Отличнику Решетникову Сергею!

Люда подняла Серёжин подарок высоко над головой, и в руке у нее блеснул круглым, выпуклым глазом электрический фонарик.

Немного смущённо, чуть вразвалку, Сережа подошел к Снегурочке. Он не торопился. Чувствовалось, что он нарочно идёт так медленно, чтобы не быть похожим на младших ребят, которые бегом бежали за подарками. Он сказал спасибо, взял фонарик и с тем же нарочито равнодушным видом пошёл назад.

Катя обернулась и посмотрела на Серёжу.

– Видишь, Бульба, лампочка тут не больше пяти ватт, а как ярко горит! Это всё от рефлектора и выпуклого стекла, – вполголоса сказал Серёжа, внимательно разглядывая фонарик. – А батарейки нет. Зато есть ручная динамка.

– Ручная динамка! – повторил Алик. – Вот это да-а!

– А у тебя что? – спросил Серёжа. – Компас? Дай-ка посмотреть. Ничего себе, стоящий… Летом, в походе, пригодятся и компас, и фонарик.

И Катя невольно позавидовала этим мальчикам, что они пойдут в настоящий поход, где понадобятся и компас, и фонарик.

– А ну-ка, где наш баянист? – раздался вдруг голос Деда Мороза. – Тащи-ка сюда свой баян.

С места поднялся Алик. Он прошёл между двумя рядами стульев и скрылся за дверью.

А тем временем Снегурочка уже раздала последние подарки. Кате и её подругам достались бумажные кульки с мандаринами, конфетами и орехами.

Но не успели девочки развязать кульки, как из боковой двери в комнату уже протиснулся баян, а за ним показался и Алик.

Он сел на стул возле самой ёлки и принялся не спеша перебирать пальцами лады. Сначала он как будто только прилаживался, тихонько спрашивал о чём-то свой баян и, склонив голову набок, прислушивался, что тот ответит ему. Потом вдруг решился, откинулся назад, тряхнул светлым хохолком и громко заиграл что-то такое весёлое, задорное, что всех так и подняло с мест.

Дед Мороз взял за руки Катю и Настю, Снегурочка протянула руки Ане и Вале, другие девочки – остальным Катиным подругам, и ребята закружились в хороводе. А в середине стояла, расставив мохнатые лапы, широкая и очень густая елка. Она так и поблёскивала фольгой и серебристыми клочьями ватного снега.

Но вот музыка утихла. Катя едва успела передохнуть и пригладить растрепавшиеся волосы, как перед ней очутился Юра Белов.

– Ты председатель совета отряда Екатерина Снегирёва? – спросил он.

– Я. А что?

– Распишись.

Юра протянул Кате карандаш и телеграмму с таким видом, будто он, по крайней мере, уже лет десять служил почтальоном.

– Пометь время получения, – сказал он.

Катя пометила, но не стала распечатывать телеграмму, а бросилась к девочкам и Оле. Оля распечатала, и все увидели настоящий телеграфный бланк, только очень маленький. На нём было написано карандашом:

«Новым годом товарищи москвичи желаем здоровья успехов просим выступить нашем концерте

Дед Мороз Снегурочка»

– Выступить? – с тревогой повторила Оля. – Пойдемте-ка, девочки, посоветуемся.

Девочки выбежали из комнаты и, окружив Олю, начали советоваться, кому выступать. Откуда-то появилась и Маша.

– Ну что, будете выступать? – спросила она. – Мы хотим вам целое отделение отвести. Первое будет ваше, а второе – наше.

– Ой, целое отделение! Это слишком много, – сказала Оля. – И почему первое? Лучше мы потом.

– Да нет, ведь вы – гости. И к тому же мы своих столько раз видали и слыхали, что нам уже надоело… Вы не стесняйтесь!

– Хорошо, мы подумаем, – сказала Оля.

– Ладно, думайте. Только скорей! – ответила Маша и ушла к своим ребятам.

– Олечка, – с жаром сказала Катя, – конечно, у нас хватит номеров на целое отделение. Ну вот, давайте считать: Нина Зеленова будет танцевать, Аня Лебедева сыграет, Стелла и Лена Ипполитова могут читать стихи… А мы с Настей можем спеть, если уж очень понадобится. Как ты думаешь, Настя?

– Ой, я, кажется, охрипла, девочки! – откашливаясь, сказала Настя. – Боюсь, что у меня ничего не выйдет. Вот послушайте сами.

И она сдавленным голосом с трудом пропела:

В саду ягода-малинка,
Калинка моя…

– В самом деле, никуда, – сказала Оля. – И где это ты простудилась, Настасья? А ты, Катя, можешь спеть? Одна?

– Нет, одна я никогда не пела. Ну да это ничего. И без нас с Настей обойдутся. Аня сыграет…

– А я с собой нот не взяла! – испуганно прошептала Аня.

– Но ты же иногда играешь и без нот.

– А сейчас я, кажется, всё забыла.

– И я не могу танцевать! – решительно заявила Нина.

– И ты не можешь? Почему не можешь? – растерянно сказала Оля. – Девочки, да что же это будет? Тогда надо прямо сказать, что от выступления мы отказываемся. Только это ужасно неловко. Думали-думали и придумали, что ничего не умеем… – Она сердито посмотрела на Нину: – И что это с тобой приключилось? Ты же в балетном кружке учишься, в городском доме пионеров! Даже в Большом театре выступала.

– Да-да, ты там танцевала школьную польку! Я помню! – закричала Катя. – Вот ее и станцуй!

Нина даже руками всплеснула:

– Что ты, Катюша! Знаешь, сколько там народу участвует – и девочек и мальчиков?

Все помолчали.

– Ну а кроме этой самой польки, ты ничего-ничего не умеешь? – спросила Валя.

– Как это – ничего! – обиделась Нина. – Ещё довольно много танцев умею… Например, испанский танец и неаполитанский – тарантеллу. Только для тарантеллы нужен костюм, а здесь у меня ничего нет.

Девочки огорчились.

– Что же ты не взяла его с собой! – укоризненно сказала Лена. – Постой, а может, что-нибудь и здесь найдётся? Я сейчас у Маши спрошу.

– Ничего не найдётся! – так же упрямо ответила Нина. – Это же итальянский народный танец. И костюм нужен итальянский – коротенькая широкая юбка и корсаж со шнуровкой.

– Ну, юбка-то, наверно, здесь нашлась бы, – сказала Настя. – А вот корсаж со шнуровкой навряд ли…

– А если без корсажа и без шнуровки? – осторожно спросила Валя. – Без них никак нельзя станцевать эту самую… тарантулу?

Нина сердито засмеялась:

– Какая еще там тарантула! Конечно, станцевать всё можно, но получится совсем не то… И еще у меня для этого танца нет тамбурина, бубна. Понимаете?

– Можно, в крайнем случае, в поднос стучать – тоже очень звонко получится, – предложила Ира.

– Сама стучи!

– Ну а испанский танец? – неуверенно спросила Оля.

– Для испанского танца нужно фигаро… И кастаньеты, чтобы щёлкать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.